

Тамерлан / Историческая повесть

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Тамерлан / Историческая повесть ТАМЕРЛАН. (НАЧАЛО ПУТИ)

Книга дает возможность ощутить художественный образ средневекового Мавераннах (середина XV в.); вместе с тем это

– своеобразное авторское видение молодых лет создателя империи Тимуридов, полных напряженной борьбы за власть, а подчас просто за выживание – о Тимуре сыне Торгая, известного в мировой истории великого государственного деятеля и полководца эмира Тимура – Тамерлана.

1.

Начало осени... Излучина долины безымянной реки. Вдали заснеженные вершины гор. Покатый сверху курган, внизу табун коней. Окрики коневодов – пастухов.

На вершине холма сгрудилась группа юношей– пастухов, вооруженных луками, а кое-кто – и ножами. Один из них и вовсе саблей, на которую оперевшись, он стоит, с лукавинкой в глазах озирая товарищей... Это – Чеку Барлас, известный среди товарищей как паренек с эксцентричным, эпатирующим нравом, что дает им право воспринимать его полушутя-полусерьезно... Он шут, но когда надо – воин...

Однако на этот раз не до шуток – речь держит Долон – парень видный. Лидер.

Галдеж.

– Слово – Долону. Шпарь Долон, – это, размахивая саблей произносит Чеку Барлас.

– Заткнись, Чеку! Язык у тебя длинный. Я не прошу слова – запомните: когда мне нужно, я беру его без разрешения. Тем более без твоего придурок!

Слова Долона вызывают веселое оживление.

– Завтра на рассвете снимаемся. Уходим...

Возгласы:

– Куда?

– Зачем?

– Сардар, скажи, – Долон обращается к одному из товарищей, – говори как есть. Прочисти мозги безмозглым!

– Я только что оттуда, – начинает Сардар.

– Говори откуда! Не темни!

– Из-за Тикдага...

Все головы поворачиваются в сторону, туда, где вдали в дымке виден пик горы...

– О, там много мест, где можно справить нужду, не опасаясь, что сядет на твою голову сорока, – это опять, не сдержавшись, говорит Чеку Барлас.

Хохот. Реплики: «Ну, и как? Справил? А что сорока?»

Долон грозно надвигается на балагура – тот полудурашливо, полусерьезно отступает за спины товарищей, что вызывает снова хохот.

– Там – табуны Камарадина...

Воцаряется молчание – лица вмиг становятся серьезными.

– И стойбище там?

– Нет, но стойбище там станет следом... Через пару дней Камарадин будет здесь...

– Ну, что ясно, безмозглые? – спрашивает Долон.

– Не всё, – говорит один из юношей.

– Тебе? – обращается Долон к другому.

– Мне-то что...

– Тебе?

– А что. Так не терпится? – спрашивает робко юноша.

– Ему не терпится, свидеться с невестой... ай-ай! Как сладки сиськи Жамбы!...

– Замолчи, собака!

– Мне не ясно, – вдруг выступает вперед молчавший до сих пор юноша.

– Ему не ясно, эй, слушайте! – подталкивает юношу Чеку.

– Он сосунок. Его только что оторвали от материнской груди... Ну, что тебе не понятно? – сердится Долон.

– Мне не ясно, – упрямо твердит юноша.

– Ему не ясно, – в той же манере говорит Чеку.

– Эта земля принадлежит племени Камарадина. Это его пастбище – теперь ясно, сосунки?.. Они идут сюда и не позже третьего дня будут здесь – теперь ясно, облезлые придурки?! – сердится Долон. – Нас с ноготок, а они вооружены. Их тьма. Снимаемся – возражения не хочу слышать.

– Мне не ясно...

– Чтобы все было готово сейчас же. Пошли...

Группа обескуражено собирается разбрестись.

– Стойте! – У меня предложение, – почти с металлом в голосе выкрикивает юноша.

Люди замирают на месте.

– У него предложение, – подхватывает Чеку.

– Этот мальчик только что оставил в покое материнские сиськи. И уже – смотрите-ка! – ничуть не колеблясь, говорит юноша.

– Для чего?

– Мы высечем Камарадина, мы угоним его табун.

– Высечь Камарадина!? – хохочет Долон, за ним – остальные.

– Ты не в состоянии натянуть тетиву лука. Тетива – не твоя просранная штанина. Ну-ка, Чеку, помоги этому молокососу натянуть тетиву – пусть сначала попробует попасть...ну, во... хотя бы, в это дерево...

Чеку подходит к юноше – тот его решительно отстраняет, достает из колчана стрелу...

Хохот замирает – внимание всех, почуявших серьезность ситуации, целиком сосредоточено на действиях юноши. И лишь Долон продолжает вызывающе посмеиваться, да Чеку все еще не отступает от своей манеры подшучивать. Но вот и он угомонился, сказал:

– Он умеет натягивать тетиву!

Да так и произошло: юноша медленно, казалось, нарочно медленно, достает из колчана стрелу, медленно натягивает под пристальным взглядом товарищей лук, прицеливается в дерево и вдруг пускает стрелу прямо... в Долона – тот с хриплым вскриком хватается руками за стрелу, которая врезалась ему в сердце... и падает...

Люди в шоке. Кое-кто бросается к поверженному – у того из горла хлыщет кровь, но тем не менее он успевает сказать:

– Ты смог натянуть тетиву.. со-бака!...

И умолкает.

От трупа отпрянул Чеку – закричал:

– Тимур сын Торгая умеет владеть луком! Слышите! Все слышали!

2.

Тот же холм. Те же люди. Кое у кого немой вопрос к Тимуру, но он, как воды набрал в рот. Зато оживлен, как всегда, Чеку. Он причитает:

– Проклятый Камарадин! Зачем тебе нужно было убивать нашего батура, – а потом, как бы опомнившись, подходит к Тимуру, протягивает тому свою саблю.

Тимур отстраняет дар:

– Я добуду сам... – обращается к товарищам уже не юноша, а признанный верховод.

– Все умеют натягивать тетиву?

Молчание.

– Конечно, все. Я так и знал... Сейчас пойдем в Тикдаг. Все, кто умеет натягивать лук идут со мной. Остальные... Остальные гоните... табун домой... Мы нагоним через пару дней... Старайтесь гнать по руслу реки... Ясно? А сейчас жрать.... Жрать...

3.

Трапеза. На дастархане – груды мяса – и только. Нюанс: юноши, точь – в точь взрослые мужчины, не дотрагиваются до пищи. Но вот большую чашу в первую очередь преподносят... Тимуру. Он, несколько помедлив, немного подумав, решительно отрезает кусочек мякоти и, откусив, передает чашу по кругу. То же проделывает он со следующей чашей... – у взрослых людей это является символом старшинства. Таким образом, в кругу товарищей как бы узаконивается лидерство Тимура. Обед постепенно превращается в веселую трапезу. По кругу – но опять же первым Тимуру – передают бурдюк с кумысом.

И вот в пляс бросается Чеку. Танец его напоминает пляску шамана – разница лишь в том, что шаман в руках держит бубен, а этот – саблю... О, что выделяет с саблей Чеку! Он выкрикивает абракадабру слов, вроде: «Камарадину кол в задницу... Камарадину саблю в живот...» и т.п. Усталость наконец-то валит его с ног, Чеку падает на спину, дурашливо дрыгает ногой... Тимур поднимается с места:

– Все – к делу! Седлаем лошадей!

4.

Небольшая кавалькада из не более 30 всадников переходит через брод горной реки. Впереди – Сардар. К нему подъезжает Тимур:

– Ты уверен, что это короткий путь?

– Я не обещал тебе короткого пути.

Тимур делает взмах камчой, – конь встает на дыбы – собираясь огреть Сардара. Тот упрямя:

– Что зачесались руки?

Подъезжает Чеку:

– Сначала выслушай, зачем горячиться!

– Ну!

– Я веду незнакомой Камарадину дорогой: не в лоб, – продолжает Сардар. – В спину!

– Смотри! Без глупостей! – в голосе Тимура слышится угроза.

– О, как напугал! – иронизирует Сардар, бьет камчой коня, тот, потеряв как бы осторожность, рвется в пучину реки почти вплавь, за ним следуют другие...

А вот они едут по террасе горной реки... по склону безымянной горы... по уступу красноцветного, типа бед-ленд, косогора... исчезают за ним...

5.

За увалом в лесу, укрывшись за ветвями деревьев, за неровностями рельефа, лежат Тимур с товарищами. Наготове луки со стрелами. Тихо, да так, что слышен стрекот кузнечиков.

Внизу – три больших шатра, костер вокруг шатра – люди, о чем-то оживленно беседующие. Это – камарадинцы. Далее, у реки, – табуны коней. Долина там и сям покрыта зарослями кустарников,

стелющейся аркой...

Рядом с Тимуром – Чеку.

– О! Сколько хороших мест для того, чтобы справить большую нужду!...

Под пристальным взглядом Тимура Чеку осекается:

– Хорошо, хорошо. Молчу!

Тимур знаком приглашает товарищей за увал, на короткий совет.

– Ты, Сардар, и вы с ним, – показывает на небольшую группу своих сверстников, – бьете вон туда... ближе к шатру... Ты, Жабон, – по крайнему костру... Я пойду в центр.

– Я с тобой! – тут как тут объявляет Чеку...

– По два выстрела! Будем надеяться: после этих выстрелов их станет вдвое меньше... и тогда с криками во всю глотку выскакиваем... Понятно?... С криками! Каждый за двоих! Орать так, чтобы сотрясалась земля! Расколосось небо!

6.

В лагере Камарадина его люди обговаривают свои повседневные дела. Впрочем, без Камарадина.

– Это не самое лучшее место для стойбища, – говорит один.

– Рядом река – что еще надо для стойбища? – возражает другой.

– Стойбище надо ставить здесь.

– Лесистое поле... – молвит третий.

– А для тебя одна радость набить пузо...

Тот, которому говорят о пузе, шутливо демонстрирует это самое “пузо”, исторгнув “музыку”, что, разумеется, вызывает хохот. И вдруг... в это самое “пузо” с неистовой силой врезается стрела.... В другого, третьего...

В лагерь врываются люди Тимура, хватают у поверженных сабли, неистово рубятся... Минута – другая и камарадинцы бегут в сторону лесистого увала... падают поверженными от стрел. В середине побоища, как и следовало ожидать, неистово рубится Тимур. Он столкнулся с каким-то камарадинцем. Удар, еще, еще и – противник повержен на землю. Тимур, приставив к горлу лезвие клинка, спрашивает:

– Где Камарадин!?

– В стойбище...

– Он будет здесь?

– Да.

– Когда?

– Через три дня...

Тимур убирает ногу с поверженного. Остальные скучивают пленных у деревьев, вблизи опрокинутых шатров...

– Знаешь с кем имеешь дело? – спрашивает Тимур у одного из пленных.

– Ты Долон – любитель бесплатного, – поспешно бросает один из пленников Тимуру, но под взглядом последнего считает за благо прикусить язык.

– Ты!? – это вопрос к следующему пленнику.

– Вы паршивые барласовцы! – в порыве гнева бросает тот.

– Ты!?

– Знаю, вы барласовцы, а кто ты – не хочу знать... нет, нет, знаю: ты гнида!...

К нему с оружием в руках бросаются барласовцы, но Тимур движением руки – о! Это напоминает в какой-то мере уже

движение руки повелителя! – останавливает товарищей... показывает на деревья рядом:

– Вековые...

– Я только что за одним из них справил бо-о-ль-шую нужду – замечательно! – нарочито вздыхает Чеку, затягивая шнур на кожаной штанине.

– Каждому, – говорит Тимур, – по дереву!

Побежденных не более 10! Их шумно, каждого в отдельности, закручивают к деревьям поблизости.

– А с этими, что делать?

К Тимуру подводят двух молодых пленных.

– Что делать с пленными камарадинцами? – на вопрос вопросом отвечает Тимур.

– Они утверждают, что они не люди Камарадина.

– ?

– Они туркмены и прибыли к Камарадину закупать лошадей...

– Кто вы? – наконец-то Тимур удостоивает туркменов серьезного внимания.

– Я... Мурад... он Курбан...

– Я спрашиваю не об именах...

В глазах пленных – смятение.

– Вам нужны лошади?

– Да, да.

– Вот товар! – Тимур показывает взглядом на табун камарадиновских коней – Берете?

– Да! Да! – туркмены по-прежнему в смятении.

– Не даром.

– Мы... понимаем, понимаем, господин... Мы платим... платим...

Туркменов отводят в сторону.

Тимур подходит к одному из котлов, вытерев о подол лезвие сабли, достает ею солидный кусок мяса, откусывает, отдает товарищу:

– Полный желудок – друг твердой руке! Тебе... Тебе... Ну, кто еще в состоянии натянуть тетиву на луке?

Недоеденные ломти мяса отбрасываются оземь на скатертеобразное приспособление камарадинцев. Вперед выступают победители – Тимур молвит:

– Кто говорит, что барласовцы – вошь и гнида сейчас убедится: барласовцы – есть барласовцы. Это говорю я, Тимур сын Торгая.

Глаза обреченных полны ужаса. Луки натянуты до предела. К Тимуру, откуда не возьмись, подбегает собака – он ласково подносит ей кость, гладит по голове. В это время в обреченных летят стрелы. Тимур делает вид, что он целиком занят собакой.

Чеку в это время подходит к одному, трогает саблей, разрубает ремень, говорит:

– Этот на небесах.

Со вторым поступает также, у третьего, с большой родинкой на лице, – секундная заминка, ибо у того стрела проткнула предплечье, – но все-таки разрубив сыромятный ремень, Чеку произносит: “На небесах...”. То же происходит со всеми, после чего Тимур командует:

– С богом, в путь!

7.

Ночь. Полнолуние. Степь.

Победители гонят захваченный у камарадинцев табун лошадей. Рядом едут Тимур и Сардар.

– Тимур, смотри какая луна! – говорит восхищенно Сардар.

– А вдали, над горизонтом, две звезды. Как ты думаешь, хорошо бы стать одной из этих звезд – той, что поярче?

Далее голоса идут за кадром.

– Ты о чем, Тимур? С головой у тебя в порядке?

– Нет, еще не свихнулся, – смеется Тимур.

В это время к названным пастухам присоединяется третий – Чеку Барлас:

– Слышите! Прислушайтесь!

– Ну, слушаем, – это голос Тимура.

– Тихо! Вот... вот... – а это голос Чеку.

Сквозь топот лошадей слышится вой волков.

– Волки! – это голос Сардара.

Небольшая пауза, которую прерывает голос Тимура:

– Где победа, там и волки.

– Как тебя понимать?

– Как хочешь, так и понимай.

– Мне послышалось, что ты сказал о победе?...

– Я так и сказал? Ах, да, я действительно сказал что-то такое.

– слышится голос Тимура. – Я и сейчас скажу: победа подобна яркой звезде.

– Кажется, я... понимаю, – говорит Сардар.

– А чего тут не ясного, – слышится голос Чеку Барласа – Хорошо мы всыпали этому... Камардину, правильно говорю, Тимур? Пусть почешет свой зад!

Смеются.

Табун как бы растворяется в степи... Растворяется в вязкой ночи и вой волков...

8.

Разгромленная стоянка камарадинцев.

Над знакомым нам раненым в предплечье с большой родинкой на щеке юношей склонились его соотечественники, пытаются того привести в чувство. Однако напрасно: тот едва шевелит губами и, что-то сказав невнятное, умирает. Тотчас происходит нечто, характерное шамано – мусульманским обычаям: причитания и т.п...

9.

Но вот среди скорбящих камарадинцев определилась группа людей – предводителей. Среди них – один или двое юношей. На почетном месте – старец...

– Что успел сказать умирающий мусульманин? – спрашивает один из них.

– Ничего, – следует ответ.

– Ни слова?

– Это барласовцы! Это их рук дело...

– Барласовцы... барласовцы, вам нечего больше сказать... – старец явно недоволен. – И безмозглая женщина скажет – не уйдет далеко от истины – барласовцы! И все-таки, укажет, кто из них...

– Имя его... что-то на «Т», – вставляет один.

– И на «Д», – поспешно добавляет другой.

И снова воцаряется пауза, которую нарушает старец:

– Ясно: это из тех, кто умеет натянуть тетиву лука... Взрослые мужчины...

– Нет! Нет! – вдруг вскакивает с места юноша, который выделяется среди других не только молодостью, но и статью, благородными чертами лица...

Люди медленно оборачиваются к нему...

– Ты знаешь кто?

Юноша считает за благо отмолчаться.

10.

К вершине медленно поднимаются двое юношей. Один из них тот, с которым мы только что познакомились в предыдущей сцене, у старца.

– Ты думаешь, что это сделал Долон? – спрашивает у него товарищ.

– Нет, не Долон. Помнишь, скотный базар на окраине Самарканда. Помнишь парня, который глотал слюни при виде игреневого коня?

Товарища наконец-то осенила догадка:

– Ты думаешь, что это дело рук молокососа? Ты этому веришь, Камарадин?

– Мы все когда-то были молокососами, мы все когда-то держались за сиськи матери.

– Но мы турки, а не барласовцы! И наш тотем – волк!

– Хорошо, пусть будет так – это не имеет большого значения. Барласовец – тот же тюрк! Мусульманин! Он также верен принципам Ислама!

- А что имеет значение?
- То, что он умеет натянуть тетиву лука – вот что!
- И все?
- Нет не все, Садридин. Важно то, что я узнал этого человека...
- Ты знаешь, кто он?
- Да, его зовут... Тимур! Ты хорошо слышишь?
- Значит, все-таки...

Камарадин воздевает руки, сжатые в кулак, кричит, почти впав в транс:

- Тимур! Будь проклят! Клянусь, я найду тебя и ты ответишь за свое злодеяние!...

(Окончание следует)...

Исраил ИБРОГИМОВ. Taryhy proza